

«Опять чувствуешь себя учеником»

В первом номере журнала «Искусство и жизнь» за 1938 год была напечатана огромная статья Бориса Зона «О ликвидации театра им. Мейерхольда». Сие творение появилось в печати с невероятной быстротой, если учесть, что театр был закрыт 8 января 1938 года, а выпуск очередного номера журнала, как известно, процесс довольно долгий.

Эта статья весьма интересна как документ эпохи. Вот, например, что пишет Борис Зон, анализируя репертуарный список Театра имени Мейерхольда, о драматургии, так сказать, «современной»: «Здесь в списке авторов Н. Эрдман, написавший контрреволюционную пьесу «Самоубийца», С. Третьяков — автор ряда плохих примитивных пьес, разоблачительное произведение о Красной Армии — «Командарм 2», литфронтовское и троцкистское произведение «Выстрел». Весьма сомнительна идеологически пьеса Олеси «Список благодарений», где перестройка чуждого советской власти человека пришта явно белыми нитками и т. д. и т. п.». В заключение автор заявляет: «Театр им. Мейерхольда давно уже умирал «естественной смертью», и нужно было выступление советской общественности, чтобы прервать эту искусственную жизнь театра, чуждого советской действительности».

Сегодня 120-летний юбилей со дня рождения Всеволода Мейерхольда, и в доме № 12 по улице Неждановой в квартире режиссера вновь соберутся его друзья, как это часто бывало в 30-е годы, как это случалось в течение последних трех лет, когда удалось отвоевать для музея часть жилплощади, принадлежавшей Всеволоду Эмильевичу, в том числе кабинет и знаменитую «желтую гостиную». Именно здесь 2 февраля, в годовщину гибели Мейерхольда, были накрыты столы, у которых хлопотала внучка режиссера Мария Алексеевна Валентей, принимая многочисленных гостей. И именно здесь Валентин Плучек рассказал мне о своих посещениях этого дома.

— Я пришел к Мейерхольду 8 марта 1938 года, ровно через два месяца после закрытия театра. Пришел повидать своего учителя и Зинаиду Николаевну, потому что понимал, как им сейчас тяжело. Купил по дороге апельсины и бутылку коньяка, и мы чудесно провели вечер. До сих пор считаю, что это один из лучших вечеров в моей жизни.

В то время я занимался своей студией. И мне очень захотелось, чтобы мои студийцы увидели и услышали Мейерхольда. Позволил ему и получил разрешение на коллективный визит. Мы долго готовились к этой встрече, продумывали вопросы, которые следует задать мастеру, чтобы разговор не получился пустопорожним. Наиболее вдохновил Мейерхольда вопрос о том, что такое реализм в театральном искусстве. Он долго и прекрасно говорил о том, как он понимает реализм, и в частности сценический. Всеволод Эмильевич убеждал нас в том, что не существует абстрактного понятия реализма, у каждого мастера он свой: у Маяковского — один, у Чехова — другой и совсем иной — у Достоевского. Это связано с отбором изобразительных средств каждого художника, что в полной мере касается и театра.

В третий раз я побывал в этой комнате с моими товарищами-драматургами Александром Гладковым, Алексеем Арбузовым и Исидором Штоком. Атмосфера «желтой гостиной» была особенной — Мейерхольд любил красивые вещи. И когда я здесь сидел, то казалось, что это интерьеры из его спектаклей «Ревизор» или «Горе от ума». А во второй части квартиры, которая сейчас еще занята, жили дети.

Сейчас многие актеры, режиссеры говорят о Мейерхольде, что

он — их учитель. Я же был натуральным его учеником. В 1926 году я поступил в училище при Государственном театре имени Мейерхольда — ГЭКТЕМАС — Государственные экспериментальные театральные мастерские и уже на первом курсе был занят в премьере «Ревизора», сыграв одного из офицеров, который выскакивал из шкафа. В этом же театре, уже окончив училище и получив диплом, остался артистом. Играл в премьере «Бани» Моментальникова, получив эту роль из рук Маяковского. Потом увлекся режиссурой и на какое-то время ушел из театра, создал ТРАМ. Когда Мейерхольд увидел поставленный мной спектакль, он пригласил меня в училище, которое я заканчивал, уже как режиссера и взял в свою труппу одного из моих учеников, ныне — актера Российского молодежного театра, народного артиста СССР Ивана Воронова. Так что я тесно контактировал со Всеволодом Эмильевичем на протяжении более 10 лет и счастлив, что судьба предоставила мне такую возможность.

«Мне всю жизнь везло на учителей. Станиславский, Федотов, Немирович-Данченко, мастера старого Малого театра, Чехов, Горький, Далматов, Головин, Варламов, Савина, Блок, Комиссаржевская — у всех у них учился, как умел. Могу, пожалуй, еще прибавить десяток имен. Никогда не станешь сам мастером, если не сумел быть учеником. Я был жаден и любопытен. И вам посоветую одно: будьте любопытны и благодарны, умеете удивляться и восхищаться». (Из высказываний Всеволода Мейерхольда, записанных Александром Гладковым и опубликованных в № 15 «Театральной жизни» за 1960 год).

Пожелавшие, порой весьма обветшалые журналы (откуда я и взяла приводимые здесь цитаты), газетные вырезки, фотографии, свои институтские конспекты бережно сохранила Елена Михайловна Ходунова, которая собирается передать все это Марии Алексеевне для создающегося музея-квартиры Мейерхольда. Еще будучи студенткой 3-го курса ГИТИСа, она для своего доклада выбрала из списка тем, предложенных профессором Борисом Владимировичем Алперсом, «Лес» Мейерхольда и «Горячее сердце» во МХАТе. Это было в 1943 году. Ни она сама, ни ее педагог, работавший с Мейерхольдом с 16 лет, начав еще в Питере, не знали тогда, что великий мастер уже расстрелян. Но об этом хорошо было известно людям, которые затем «наставляли на путь истинный» слишком смелую студентку.

Тем не менее Лена Ходунова сберегла все материалы, которые собрала во время подготовки к докладу, и пронесла через всю жизнь любовь к Мейерхольду, все время пополняя свою небольшую коллекцию. Теперь она помогает создающемуся музею мастера.

Борьба за возвращение многоэтажной квартиры, бывшей в свои времена такой теплой и гостеприимной, началась в 1955 году, когда Всеволода Мейерхольда реабилитировали и была создана комиссия по его творческому наследию, которую возглавил Павел Марков. Не только

члены этой комиссии Эренбург, Шостакович, Пастернак обивали пороги различных инстанций, ставили свои подписи под письмами и петициями, где говорилось о необходимости создания мемориального музея-квартиры Всеволода Мейерхольда. По словам Марии Алексеевны, если бы всеми обращениями и посланиями выложить дорогу от дома в бывшем Брюсовском переулке, то бумажной «мостовой» хватило бы до Кремля. Однако у работников культуры и искусства был сильный соперник — КГБ. Ведь после ареста Мейерхольда и случившегося вскоре таинственного убийства в своей квартире Зинаиды Райх детей Есенина, усыновленных Всеволодом Эмильевичем, вместе с вещами выкинули на улицу, а освободившуюся жилплощадь после срочного ремонта заняли шофер Берии и одна из его секретарш. Даже после того, как, по распоряжению бывшего руководителя КГБ Крючкова сотрудников его учреждения переселили из захваченной в 1939 году квартиры, Моссовет и мэрия никак не хотели отдавать «лакомый кусочек» в центре города.

Теперь к квартире на улице Неждановой «приложили руку» (в хорошем смысле этого слова) сотрудники Бахрушинского музея, ведь мемориальный музей-квартира Мейерхольда стал их филиалом. С их помощью в отремонтированных кабинете и «желтой гостиной» ко 2 февраля была развернута временная экспозиция. Правда, из подлинных вещей Всеволода Эмильевича сохранился лишь книжный шкаф, который в свое время Костя продал Маризте Шагинян. Для его возвращения необходимо было сделать новым владельцам такой же. И в эту «операцию» деньги вложила японская актриса и певица Сигеми Яманоту. Увлеченный в аспирантуре творчеством великого русского режиссера, она была одной из первых, кто приехал на торжество, связанные с памятными февральскими датами, которые организовывал творческий центр Мейерхольда. И пожелала внести свой вклад в дело возрождения квартиры. В этом году Сигеми приехала в Москву уже в третий раз, и ее принимали в доме на Неждановой, как свою.

Украшением полупустого пока кабинета Всеволода Мейерхольда стали в эти дни и книги с автографами, принесенные из библиотеки Союза театральных деятелей, и, конечно, яркий восточный ковер, хорошо знакомый нам по портрету работы Кончаловского. Ковер, правда, не тот самый, на фоне которого был написан портрет, но с помощью работников Музея Востока удалось найти очень похожий. По замыслу Давида Боровского и Сергея Бархина, создавшего макет будущего музея-квартиры, обстановка в кабинете будет полностью воссоздана, а вот в «желтой гостиной» планируется создать лишь некое цветовое и световое пространство, где посетители смогут «пообщаться» с человеком, в дом которого пожелали прийти.

Сегодня в доме на Неждановой опять соберутся друзья Мейерхольда, те, кому дорого его имя. Как собирались здесь по различным поводам около шестидесяти лет назад, как встречались затем на квартире Марии Алексеевны Валентей. Будут, конечно, выступления, воспоминания, тосты. Но хотелось бы в этой многоголосице услышать и голос самого Всеволода Эмильевича. Давайте попробуем — опять же с помощью Александра Гладкова.

«Наверно, никого из режиссеров всего мира столько не бранили, как меня, но поверите ли вы, если я вам скажу, что никто так строго не судил меня, как я сам...»

...Самое прекрасное в искусстве — это то, что в нем на каждом новом этапе опять чувствуешь себя учеником».

Людмила ФОМИНА.